

та молодой актрисы позволяет судить о ней как о художнике, стремящемся прежде всего к внутренней правде образа.

Почтиностью, приподнятостью отличается и игра Валерии Дороженко. Вспомните ее Неву Лэнгдон в спектакле «Глубокие корни». Непосредственная, по юному бескомпромиссная, она вся словно светится добротой и человечностью. Приподнятая, слегка экзальтированная речь героини в данном случае не только не прозвучит впечатлительности театральности, но и является, пожалуй, единственно возможной. Внешний рисунок образа соответствует его существу. А вот в Тоне («Старые друзья») В. Дороженко не удалось полностью добиться этого соответствия. Ее Тоня зачастую не

когда я вижу Г. Ким такой же или почти такой же эксцентричной в других ролях, например, в роли Иры («Сто четыре страницы...»), я не доверяю актрисе, механически прибегающей к однажды найденным приемам игры.

Я не думаю, что актер сознательно повторяет свои же приемы. Мне кажется, что это происходит тогда, когда исполнитель идет не от характера героя, а сбивается на изображение различных душевных «состояний вообще» — гнева, радости, печали, раздумья и т. п. На практике же это приводит к тому, что актер в большей степени играет самого себя. Может быть, поэтому мне кажутся такими одноплановыми внутренне и внешне героини Ларисы Орло-

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ СМОТРА

близкий его творческому видению путь поисков внешне-неброских, лаконичных, выразительных средств. Конечно, не все еще у актера удачно, ему тоже можно сделать упрек в повторении самого себя в ролях Михаила («В день свадьбы») и Саши («Старые друзья»). Правда, в данном случае оказалось, по-видимому, то обстоятельство, что некоторая однотипность характеров этих двух героев заложена в пьесах.

Совсем другого настроения актер Э. Демченко. В его игре при-

Демченко порой «перехлестывает», играет на публику, впадает в пенушное комикованье. Следует быть более строгим к себе, к своему таланту.

Объем этих заметок не позволяет мне говорить об игре всех молодых актеров, участвовавших в смотре. Но даже этот неполный обзор, по-моему, может свидетельствовать о том, что артистическая молодежь нашего театра — творчески бескомпромиссный, сильный отряд. Сдается только, что «командованье», т. е. режиссура, не использует все огненные средства этого отряда. Действительно, разве те недостатки, о которых говорилось выше, не являются в первую очередь недостатками режиссерской работы? Видимо, мало еще уделяется внимания творческому росту молодых актеров, если они допускают просчеты, которые легко обнаружить, как говорится, невооруженным глазом. Тревожит и репертурная политика театра. Собственно, политики никакой нет. Попробуйте определить ту линию, которой театр строго следует от премьеры к премьере. Думаю, что вам это не удастся, так как подбор пьес явно случаен. Мне кажется, что к этому вопросу стоит вернуться для более обстоятельного разговора, а сейчас мне хочется лишь напомнить руководителям Ростовского драматического колледжа неопровержимую истину: театр начинается с репертуара. Только в работе над остроконфликтными, злободневными в широком смысле слова, идейно насыщенных, яркими пьесами может произойти становление театра как произведения высокой гражданской ответственности. Только на решении сложных творческих задач, требующих напряжения всех духовных сил, познающему возмужает театральная молодежь, а мастера старшего поколения обновят свое искусство.

В. ТЫРТЫШНЫЙ.

МОЛОДОСТЬ, ТАЛАНТ, ПОИСК...

говорит, а декламирует. Актриса излишне подчеркивает смысл каждого слова, в результате речь теряет естественность, становится риторичной, что в свою очередь влияет на трагичность образа, лишая его как раз той поэтичности, к которой стремится исполнитель.

Я не хочу, чтобы меня помнили как принципиального противника подчеркиваемости жеста и интонаций в игре. Я лишь за то, чтобы эта подчеркнутость внутренне оправдывалась, не превращаясь в манеру, в штамп. Когда Галина Ким в спектакле «Глубокие корни» создает внешне эксцентричный образ служанки Тоней, это можно только приветствовать. Резкий, ритмически и пластически точный контур роли вытекает из характера героини — дерзкой, смысленной и в то же время загнутой постоянной страхом перед белыми господами, в глубине души чистой, но уже испорченной из-за необходимости постоянно лгать и изворачиваться. Однако,

вой — Варюха-горюха («Поднятая целина»), Наташа («Сто четыре страницы...»), Невя («Глубокие корни»), Лола («Украинские консулы»). Из ролей, сыгранных актрисой во время смотра, самой удачной я считаю роль Оли («В день свадьбы»). Орлова сумела войти в образ и наша свежая мажорка для его воплощения. Ее Оля убедительна в своей подкупающей наивности, искренности, девичьей чистоте.

Среди молодых актеров мне хочется выделить двух — Юрия Дороженко и Эдуарда Демченко — очень разных, индивидуальных, почти антиподов. Игра Ю. Дороженко, на первый взгляд, может показаться невыразительной. Его сдержанное, хотя и не сквалящее поведение на сцене, стремление говорить просто, без декламирования на «значительных» словах, как-то выпадает из общего, в значительной степени театрального стиля игры актерского ансамбля. Мне кажется, Ю. Дороженко поступает правильно, набрав

вскательных такие качества, как динамичность, раскованность, умение удивительно свободно держать себя на сцене, двигаться, говорить. Легкость и какая-то искрящаяся всеобщность, с какими он проводит роли Пэнэ («Украинские консулы») и Дорохина («Старые друзья»), вначале даже вызвали у меня подозрение: а не скрывается ли за всем этим ограниченное амплуа «героя-весельчака». Но вот Демченко играет Всеволода в спектакле «Чти отца своего». На первый взгляд, это легкомысленный паренек, своего рода разовидность «битника». Он даже носит джинсы и танцует явств. Но от эпизода к эпизоду актер притворяет нам душу своего юного героя, и мы видим за бравадой, позой честную, прямую, непримиримую к пошлости и обыгравательской всеядности натуру. Значит, когда позволяет литературный материал, актер умеет создавать сравнительно сложные образы. И это радует. Досадно только, что

СМОТР ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТЕАТРА ИМЕНИ ГОРЬКОГО ОКОНЧЕН. АВТОРИТЕТНОЕ ЖЮРИ ПОДВОДИТ ИТОГИ, ДЕЛАЕТ НЕОБХОДИМЫЕ ОЦЕНКИ И ВЫВОДЫ. СДЕЛАЛИ ЭТО И ЗРИТЕЛИ. КАК ОДИН ИЗ НИХ, Я И ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ СВОИМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ.

Я люблю театр. Мне смешно слушать «теоретизирование» о том, что драматическое искусство отливает свой век, так как ему не угнаться за своим более массовым, доступным и масштабным собратом — киноискусством. Не умаляя ни в коей мере достоинств кино, я все же убежден, что любой самый блестящий фильм не заменит того эстетического наслаждения, какое испытываешь, соучаствуя в живом, непосредственном, непосредственном процессе рождения сценического образа. Другое дело, что не так уж часто приходится переживать эти секунды высокой радости. Но в этом положении уже не искусство сцены, а ее хозяйка — творческие работники театра.

Что скрывать, редко, ох, как редко тот или иной спектакль нашего театра становится событием в жизни города. И уж совсем невозможно припомнить, чтобы ростовчане — заядлые театралы — спорили бы об очередном премьере с таким же пылом, с каким они обсуждают, к примеру, очередной футбольный матч. А ведь это обидно. Обидно потому, что творческий состав театра — коллектив в основном одаренный. В этом, в частности, убеждает и закончившийся смотр молодых актеров. Отрадно, что уже по первым, пусть не всегда уверенным и точным шагам новичков к мастерству во многих из них угадывается актерская индивидуальность.

Мне уже приходилось писать об игре Татьяны Ожиговой в спектакле «Сто четыре страницы про любовь» (роль Наташи). Даже эта по существу первая и во многом неровная рабо-